

УДК 94(47)084.9"193"

А. А. Хлевов

И. В. СТАЛИН И МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: РАССТАНОВКА АКЦЕНТОВ

70-летие Победы отмечается на фоне существенных перемен в международной обстановке, корректировки геополитического курса Российской Федерации, пересмотра стратегических приоритетов и существенной редакции списка вызовов и внешних угроз. И, хотя этот процесс объективно перманентен, не вызывает сомнения известная исключительность переживаемого момента: вероятно, ближайшие аналогии могут быть найдены лишь в событиях эпохи деконструкции Советского Союза.

На этом фоне особый интерес представляет послевоенный период истории СССР и оценка деятельности высшего руководства страны и Вооружённых сил по обеспечению национальной безопасности в кардинально меняющихся условиях.

Ситуация, в которой оказалась страна в 1945 г., была в целом беспрецедентна. С одной стороны, в активе была победа над Германией, колоссальный рост боевых возможностей армии (прежде всего сухопутных войск и авиации), накопление серьёзного тактического и стратегического опыта. Нет ни малейшего сомнения в том, что Красная Армия образца 1945 г. не имела себе равных в проведении операций фронтового масштаба. Единственная армия, которую можно было в тот момент с ней сравнить – американская – к тому времени имела в своём активе либо десантные операции на островах Тихого океана, либо организацию на европейском театре наступлений, не идущие ни в какое сравнение с масштабами битв Восточного фронта. К тому же, как показал опыт сражения в Арденнах, при малейшем серьёзном сопротивлении наступление союзников фактически захлабывалось. В этом контексте, кстати, приходится признать, что открытие второго фронта в Европе ранее 1944 г. для войск союзной коалиции в са-

мом деле являлось бы техническим самоубийством. О британской армии, как и об армиях доминионов, разумеется, говорить как о сопоставимой с Красной Армией самостоятельной силе не приходилось.

Как известно, благодаря постоянно иницируемой И. В. Сталиным чрезвычайно интенсивной работе как само производство военной продукции, так и НИОКР находились на высоком уровне. На вооружении стояли многочисленные передовые образцы военной техники, и гораздо более солидные разработки либо запускались в производство, либо готовились к нему. Маховик военной машины Красной Армии и оборонной промышленности, привыкший за два с лишним года непрерывного наступления к постоянному движению, был остановлен в определённой мере искусственно – впрочем, как это обычно и бывает с армиями великих держав в конце больших войн.

Качество операторов этой техники и командного состава, всей системы управления войсками, а также само по себе оперативно-тактическое искусство находились к концу войны на весьма высоком уровне. Красная Армия научилась достаточно эффективно воевать, и в 1944–1945 гг. гарантированно решала все возникавшие задачи на полях сухопутных сражений. Непосредственно после капитуляции Германии советские ВС на европейском, да и на азиатском ТВД представляли собой неоспоримую силу, обладавшую инерционной мощью, которой бывшие союзники не были в состоянии что-либо противопоставить, возникни у них такое желание.

Пассив, однако, впечатлял не меньше. За спиной Красной Армии находилась страна с разорённой промышленностью, разрушенной инфраструктурой, подорванным и неэффективным сельским хозяйством. По оценкам ЦСУ Госплана СССР, общий экономический ущерб, нанесённый стране (с учётом прямых и косвенных потерь), примерно в 14 раз превышал все инвестиции в народное хозяйство за все довоенные пятилетки вместе взятые [1, с. 192]. Как образно отметил в начале 60-х в одной из своих последних речей президент США Дж. Ф. Кеннеди, потери СССР в войне были примерно эквивалентны потере США всех территорий к востоку от Чикаго.

Любые репарации и конфискации имущества побеждённых противников даже в малой степени не могли компенсировать беспрецедентный

понесённый ущерб в краткосрочной перспективе. Существенный эффект могли дать (и давали) лишь прямые заимствования технологий и опытно-конструкторских разработок инженеров Германии, вывоз в СССР конструкторских кадров.

В целом главной чертой военно-политической обстановки последнего сталинского периода (1945–1953) стала кардинальная смена расклада сил на мировой арене с далеко идущими последствиями. США, длительное время проводившие сознательно изоляционистскую политику, в кратчайший срок сосредоточили в своих руках как финансово-промышленную, так и военно-стратегическую инициативу в глобальном масштабе. Прежний лидер, Великобритания, фактически уже в 1940–1942 гг. стала стратегическим подразделением американских сил и самым крупным штатом Америки, органично встраиваясь в новый миропорядок. Европе же, благополучно самоистребившей собственные силы в шестилетней внутренней войне, в самостоятельной роли в новом мироустройстве было фактически отказано.

Совокупный потенциал сил, противостоящих СССР, определялся в послевоенные годы, разумеется, почти исключительно возможностями англо-американской военной промышленности, поскольку в силу объективных и субъективных причин остальные европейские страны оказались в основном выключены из этого соревнования. Приведём лишь одну строку статистики, дающую представление о масштабах проблемы. СССР за годы войны произвёл 157 тыс. самолётов всех типов. За этот же период в США было выпущено 324 750 самолётов, в Великобритании – 131,5 тыс., в странах Британского Содружества – ещё 19,5 тыс. самолётов. Арифметическое трёхкратное превосходство «англо-саксонского мира» дополнялось ощутимым превосходством в технологиях и общей технической культуре. Так, с июля 1944 в Великобритании находились на вооружении реактивные истребители, применение автопилота всю войну было нормой и в стратегической, и в ближней бомбардировочной авиации, а парное, бок-о-бок, расположение пилотов и бортовые туалеты делали боевую работу даже на обычных двухмоторных машинах вполне комфортной. Заметим, что мы коснулись лишь одной точки противостояния двух военных систем, а было и множество других. Так, количество кораблей всех типов только в ВМС США в 1945 г. составляло примерно 68 000, а судостроительная промыш-

ленность обладала принципиально несопоставимым с СССР потенциалом. Для сравнения, 10-летняя программа развития отечественного флота, принятая в 1945 г., предусматривала постройку 1811 боевых подводных и надводных кораблей и 3759 вспомогательных и гражданских судов.

Важнейшим фактором было появление ядерного оружия и наличие у США флота бомбардировщиков для его доставки; это оружие в ближайшей перспективе (несколько лет) могло быть применено в достаточно массовых масштабах, а СССР до конца 1940-х гг. таковым не располагал.

Из этого проистекало, прежде всего, явное смещение приоритетов военного строительства и военной идеологии. Если до войны и в ходе неё Сталину противостоял принципиально аналогичный противник (концепция вооружённых сил Германии была в целом сопоставима с советской и исходила из близких установок), то теперь требовалась коренная смена парадигмы. В традиционной общевойсковой войне любого масштаба у англо-американского блока шансов на успех практически не было; в масштабной войне «через океан», с задействованием стратегической авиации и ВМФ, к нулю стремились уже шансы СССР. Известная из античной истории классическая ситуация асимметричного противостояния Афин и Спарты в Пелопоннесской войне в очередной раз повторилась – но уже в глобальном масштабе.

При общей патовости положения в военной сфере резкая разница между блоками в промышленном потенциале и отсутствие у СССР ядерного оружия вновь «обеспечивали» Сталину позицию догоняющей стороны. В краткосрочной перспективе положение Советского Союза было хуже, чем перед войной: если в 1930-е гг. можно было рассчитывать на относительный качественный паритет в военной технике и на существенное количественное превосходство, «давить массой», то теперь о количественном перевесе говорить не приходилось. Как показал послевоенный и послесталинский опыт, отчётливое превосходство в численности СССР удалось реализовать лишь всё в тех же сухопутных силах и бронетехнике.

При этом угроза превращения «холодной войны» в войну горячую – по инициативе США – была вполне реальной и несколько раз могла реализоваться: «...сразу же после окончания второй мировой войны американское военное командование и Объединенный Комитет начальников штабов

стран Северо-Атлантического блока разрабатывали варианты военно-стратегического плана ведения боевых действий против СССР и его восточно-европейских союзников с применением ядерного оружия и больших масс войск. Это – планы под кодовым названием «Тоталити» (1945 г.), «Троуджэн» (1948 г.), «Троян» и «Оффтэкл» (1949 г.). Наиболее зловещую известность приобрел план «Дропшот», утвержденный президентом США в конце 1949 года. В нем начало войны против СССР ориентировочно намечалось на 1 января 1957 года. Предполагалось, что к моменту нападения стратегический арсенал США будет насчитывать не менее 300 атомных бомб и 840 бомбардировщиков дальнего радиуса действия. СССР же, по расчетам разработчиков плана, имел бы в то время в лучшем случае 200 стратегических бомбардировщиков и ни одной единицы ядерного оружия» [1, с. 191]. Как было однажды сказано, эти годы были временем «безудержного оптимизма» для американских стратегов.

Именно поэтому показательны усилия, предпринятые Сталиным в те несколько лет, которые были отведены ему после войны.

Важнейшим решением была оптимизация расходов на оборону в соответствии с принципами разумной достаточности. Бюджетные ассигнования на ВПК сократились в три раза в 1945–1947 гг., в четыре раза была сокращена за тот же период численность армии. Основные средства перенаправлялись на восстановление и модернизацию промышленности в целом. Приоритетное внимание уделялось внедрению технических новинок: планами предусматривалось рассмотрение и оценка порядка 225 тыс. патентов, имеющих преимущественно немецкое и американское авторство.

Вместе с тем, катастрофическое состояние промышленности и финансов приводило к регулярному недовыполнению планов производства как гражданской, так и военной продукции. Позитивные тенденции наметились в отечественной экономике лишь в 1948–1949 гг.

Однако достаточно чётко сформулированные приоритеты позволили добиться ощутимых результатов. Концентрация сил на ядерном проекте и создании реактивной истребительной и действенной стратегической авиации являлись, вне всякого сомнения, абсолютно верными в создавшейся ситуации. Единственным сдерживающим фактором в противостоянии с США и Великобританией, монополизировавшими владение ядерным ору-

жием, могло быть создание собственных ядерных зарядов в количестве хотя бы нескольких десятков и, самое главное – собственных мощностей, способных существенно наращивать выпуск ядерных зарядов в перспективе. Именно решение этой задачи создало предпосылки для отказа от планирования американским генералитетом прямой бомбовой атаки СССР на рубеже 1940–1950-х гг. Отметим попутно, что инсинуации по поводу якобы непонимания Сталиным роли ядерного оружия в годы войны, а также советской атомной бомбы, являющейся будто бы результатом исключительно шпионских усилий, до сих пор встречаются в печати и в массовом сознании. Они, как минимум, недобросовестны, поскольку первые концепты ядерных боеприпасов предлагались, рассматривались и отвергались ещё до войны (проект ХФТИ 1940 г.), а активизация советского атомного проекта произошла в мае-октябре 1942 г., когда НКВД была получена и осмыслена информация о развитии работ по аналогичным программам за рубежом, а результаты этого осмысления представлены Л. П. Берией Верховному Главнокомандующему. Достаточно ясное представление о принципах ядерной реакции и боевой мощи ядерного оружия было у Сталина с осени 1942 г., то есть ещё до Сталинградской битвы. В этом смысле нужно было обладать интеллектом и информированностью Гарри Трумэна, чтобы искренне рассчитывать удивить или напугать Сталина в Потсдаме сообщением о взрыве в Аламогордо.

Куда важнее другое. Никакие «подсказки» со стороны разведки не могли заменить колоссальной работы по созданию инфраструктуры и мощностей для серийного производства ядерных боеприпасов. Отсутствие разведывательной информации могло задержать создание советского ядерного устройства на несколько лет, не более. В этом смысле вновь отдадим должное И. В. Сталину и в отношении своевременного выделения части катастрофически недостающих сил на реализацию атомной программы, и в плане внимания, уделённого его спецслужбами зарубежному опыту. Впрочем, интересующихся подробностями отошлём к обширной специальной литературе, в частности – к объёмной статье А.Н. Медведя «К истории создания отечественной ядерной бомбы», опубликованной в шести последовательных номерах журнала «Двигатель» (вып. 3, 4, 5, 6 за 2009, вып. 1 и 2 за 2010 гг.) [2].

Не менее важными были усилия по созданию современной истреби-

тельной авиации. Многочисленные опыты с жидкостно-реактивными двигателями, а также разработки отечественных воздушно-реактивных двигателей, ведшиеся с 1933 г., увенчались достаточно скромными успехами. В итоге к концу войны советские авиаконструкторы, располагая достаточно совершенными поршневыми моторами, не имели в своём распоряжении пригодного к использованию ТРД. Выход был найден прямым копированием трофейных немецких Junkers-004 (РД-10) и BMW-003 (РД-20), а также закупками британских Rolls-Royce Nene и Rolls-Royce Derwent, после определённой переделки ставших ВК-1 (первоначально РД-45) и РД-500 [3, 4]. В первом случае имел место факт репарации, во втором – отчасти промышленного шпионажа, поскольку британцы оговорили неиспользование купленных двигателей в боевой авиации. Однако нельзя оценить нарушение этого соглашения иначе как положительно: в условиях откровенного ядерного шантажа бывшими союзниками соблюдение моральных нормативов выглядело бы противоестественно. Как бы то ни было, истребительная авиация СССР, как показал корейский опыт её применения, получила возможность эффективно отражать воздушные атаки стратегической авиации нового поколения, нанося агрессору неприемлемые потери, что всегда было весьма болезненно для американско-английских ВВС. Отметим, что достигнуто это было ещё при жизни Сталина и, следовательно, именно ему должны быть отданы лавры создания нового щита ПВО СССР, поскольку адекватную защиту от стратосферных бомбардировщиков могла обеспечить вплоть до начала 60-х гг. только истребительная авиация. Показательно, что принятие на вооружение МиГ-15, МиГ-15бис и МиГ-17 (с 1949 по 1951 гг.) и развёртывание их массового производства было осуществлено чрезвычайно быстро для послевоенного состояния отечественного военпрома.

До создания и принятия на вооружение межконтинентальных баллистических ракет (1957–1960) оставалось ещё почти десятилетие. Основным носителем ядерных зарядов всё это время оставались стратегические бомбардировщики. Учитывая вышеприведённые данные о потенциале авиапрома, рассчитывать на паритет в этой сфере с США было бы безумием. Однако создание действенной современной стратегической авиации всё равно стояло в повестке дня. Советские ВВС должны были, во всяком случае, обозначить действенную угрозу примерно десятку баз США в Ев-

ропе, на Дальнем Востоке и к югу от СССР – речь о существенном ущербе территории и промышленности США не шла в силу технической невозможности его реализации в то время. В этом смысле весьма прозорливым следует признать решение Сталина о копировании и серийном выпуске весьма удачного и во многом опережающего своё время американского бомбардировщика В-29 «Стартофортресс». История эта общеизвестна, отметим лишь, что основными её последствиями стал существенный качественный технологический скачок отечественной промышленности (не только и даже не столько авиационной), а также выпуск в достаточно сжатые сроки более чем 1200 Ту-4, обозначивших ответную угрозу вполне зримо. Не менее значимым было и начало серийного производства в 1949 г. реактивного фронтового бомбардировщика Ил-28, обеспечивавшего, в частности, применение тактического ядерного оружия на возможных европейском и азиатском ТВД.

В целом стоит признать, что приоритеты оборонных разработок в послевоенные годы оценивались И. В. Сталиным вполне верно. Интенсивная опытно-конструкторская работа велась параллельно с созданием базы для массового выпуска как традиционных, так и принципиально новых видов вооружения и военной техники. Всё это позволило в крайне неблагоприятных условиях, в отсутствие союзников и при наличии реальной ситуации «осаждённой крепости» (гораздо более реальной, чем в 1930-х гг.) предотвратить развязывание Соединёнными Штатами войны против СССР. Угроза этой войны была абсолютно реальна и не могла быть снята никакими миролюбивыми шагами СССР в силу его абсолютной несовместимости с принципами нового миропорядка, который пытались выстроить наши недавние союзники. Единственным противоядием могла быть растущая боеготовность.

За послевоенное пятилетие, по данным Отдела ЦК ВКП(б) по машиностроению, были достигнуты следующие результаты: «1. В авиационной промышленности создано более 20 типов самолетов, из которых 9 приняты в серийное производство; 30 образцов новых моторов и реактивных двигателей, 2 реактивных двигателя начали осваиваться в серийном производстве. Удельный вес реактивных самолетов в производстве авиационной техники увеличился с 1% в 1946 г. до 65% в 1950 году. Под опытное

производство передано 12 предприятий с 520 тыс. кв. метров площадей и 40 тыс. рабочих и ИТР. Вновь созданы радиолокационный институт и 7 ОКБ по радиолокации. 2. В промышленности вооружений. Разработано и подготовлено к испытанию 55 типов оптических приборов и 156 типов опытных образцов вооружения, из которых 10 начали осваиваться в серийном производстве. Производственные площади и парк станков выросли в 1,5 раза, количество НИИ и КБ – более чем в 5 раз. 3. В промышленности боеприпасов. Созданы и проходят испытание несколько новых видов боеприпасов: гамма-бронебойные снаряды и гамма-авиационные бомбы, усилена мощность зенитного и морского выстрелов. Отработаны и осваиваются в серийном производстве 87 новых элементов боеприпасов (взрыватели, трубки, заряды, капсулы и т.д.). Организованы 7 новых НИИ и 4 КБ (в системе Министерства сельскохозяйственного машиностроения). 4. В бронетанковой промышленности. Принят в серийное производство новый средний танк Т-54, который по вооружению, проходимости и маневренности превосходит средний танк Т-34. Разработан новый тип тяжелого танка «730» и артиллерийского самохода «530», приняты на вооружение плавающий танк «740» и гусеничный бронетранспортер «750». В течение 1946–1949 гг. план по выпуску новой бронетехники не выполнялся в связи с конструктивной доработкой, технологической и производственной неподготовленностью предприятий Министерства транспортного машиностроения к выпуску новых машин. Отечественные станко-строительные заводы не обеспечили предприятия по производству бронетанковой техники специальным оборудованием (токарными полуавтоматами и зубодолбежными станками крупных размеров и т.д.). 5. В военном судостроении. Решена задача постройки цельносварных корпусов боевых надводных и подводных кораблей из сталей повышенной прочности. Освоен метод сборки корпусов из плоскостных и объемных секций, с применением специальной технологической оснастки. В результате внедрения мероприятий по стандартизации, нормализации и унификации на 55% сократилась номенклатура механического и судового оборудования, применяемого на кораблях. Из-за затягивания строительства новых судостроительных заводов плановые сроки сдачи боевых кораблей пока не выдерживаются» [1, с. 202, 203].

Может возникнуть ощущение, что морская составляющая оборонной

мощи несколько страдала на фоне воздушно-ядерного противостояния. Однако и здесь нельзя не признать рациональности сталинского подхода. Разумеется, абстрактно было бы неплохо обеспечить ВМФ авианосными соединениями, как этого хотели наиболее прогрессивные адмиралы и, в частности, Н.Г. Кузнецов [5]. Однако в реальности СССР, безусловно, не мог себе позволить не только авианосцев, но и тяжёлых крейсеров, столь ценимых Сталиным. В итоге «проект 24» [6] так и остался на стадии разработки, а ВМФ СССР отводилась в послевоенные годы явно второстепенная, оборонительная по преимуществу, роль – как, впрочем, и до войны. Принцип «по одежке протягивай ножки» в данном случае соблюдался неукоснительно.

При этом надо понимать, что Сталин прекрасно осознавал – единственным возможным театром широкомасштабной войны оставалась Европа. Именно поэтому исторически сложившаяся за годы войны и во многом предельно оптимальная структура ВС в целом сохранялась, огромный опыт их применения тщательно анализировался и фиксировался. Видимо, допустимо сказать, что сталинская РККА довоенного образца была грандиозным и устрашающим механизмом, не прошедшим реальных войсковых испытаний, «потенциальной великой армией», чьи возможности неадекватно оценивались и в СССР, и за рубежом. Столкновение с реальностью выявило, пожалуй, больше проблем, чем достоинств этого механизма. Поэтому сталинская СА послевоенного образца с полным на то основанием должна быть признана не менее грандиозной машиной, но прошедшей жесточайшую и всестороннюю обкатку в боевой обстановке. Её потенциал был абсолютно реален и, в целом, адекватно оценивался и друзьями, и противниками. Именно эта «реальность» боевых возможностей, без сомнения, обеспечила возможность сохранения государственного суверенитета СССР и преемственность его политической системы в послевоенные годы. Заслуга Сталина в этом чрезвычайно велика, и нам ни при каких обстоятельствах не стоит упускать из виду, что угроза существованию России-СССР в конце 1940-х гг. была едва ли не большей, чем в иные исторические периоды.

Напоследок нельзя не сказать несколько слов о роли И. В. Сталина в создании новой системы международных отношений и в обеспечении Советского Союза новыми реальными и потенциальными союзниками. Эта деятельность была органическим продолжением – или второй стороной –

военно-технического переоснащения страны.

Как уже было отмечено, расклад сил на мировой арене существенно изменился. С одной стороны, произошла отчётливая поляризация англо-американского «полумира», своего рода «англо-саксонской оси», которая вот уже семь десятилетий играет одну из важнейших ролей в мироустройстве. Сталин, кстати, одним из первых осознал потенциальную опасность этого процесса и ясно артикулировал её, назвав вещи своими именами. В знаменитом ответе корреспонденту «Правды» по поводу открывшей Холодную войну речи Черчилля в Фултоне, Сталин в марте 1946 г. заметил: «По сути дела господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И господин Черчилль здесь не одинок, – у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки. Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы как единственно полноценная нация должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные должны господствовать над остальными нациями мира. По сути дела господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, – в противном случае неизбежна война» [7, с. 25–30]. Сталин одним из первых уловил основной вектор послевоенной политики Запада – основанный на неоднократно озвучиваемом Черчиллем концепте «англоговорящих народов» курс на построение *Pax Americana*, принципиально неотличимый от расовых теорий довоенной эпохи.

Внятные альтернативы Сталиным были намечены также достаточно ясно. Послевоенный военно-дипломатический курс СССР преследовал не-

сколько отчётливых целей.

Прежде всего, это создание пояса безопасности в Восточной Европе. В основном к концу 1940-х гг., при активном вмешательстве Сталина, был завершён демонтаж остатков довоенных государственных систем в бывшем «санитарном кордоне» на западных границах СССР и на Балканах. В результате возникла система народных демократий, в основном достаточно лояльных к СССР – будущая европейская составляющая Социалистического Содружества. Можно спорить о ценности Польши, Румынии, Венгрии, ГДР, Чехословакии как военных союзников в случае начала полномасштабной войны в Европе. Скорее всего, она была бы невелика. В отдельные периоды СССР тратил больше усилий на умиротворение членов Варшавского договора, нежели в принципе мог получить от него отдачи как от военной силы. Однако огромная важность установления Сталиным контроля над этими странами заключалась в вынесении в самый центр Европы передовой линии атакующей Советской Армии. Если бы Третья Мировая война в самом деле началась, марш-бросок танковых армий к Ла-Маншу «на одной заправке» НАТО вряд ли смогло бы не только парировать, но и ощутимо задержать. А без портов Западной Франции и Бенилюкса ответное вторжение и реванш в Европе были технически малоосуществимы. Во всяком случае, на западном направлении Сталин сделал всё, что было возможно. Явным и серьёзным провалом была политика в Югославии, хотя фактор личности Тито, скорее всего, не оставлял шансов на длительный союз с таким лидером, как Сталин.

Во-вторых, исключительную важность имело развитие военно-дипломатических усилий на Дальнем Востоке. В лице возглавляемого коммунистами Китая Советский Союз получил с 1949 г. один из самых весомых козырей в давлении на США и их союзников. Северная Корея картину усугубила. Новый расклад сил в корне изменял привычную конфигурацию международных отношений в Восточном полушарии, да и в мире в целом. Во всяком случае, потенциал системы СССР-КНР был исключительно велик. Не вызывает сомнения, что неспособность Н. С. Хрущёва наладить адекватный диалог с китайскими коллегами в силу патологического и искусственного антисталинизма усилила противоречия, в иной ситуации могущие уйти в тень. Во всяком случае, развал советско-китайского стратегического партнёрства в 1950-60-х гг. стал одним из важнейших факторов

усиления американо-английского альянса и реакционных сил в мире в целом. Представляется, что создание оси Москва-Пекин должно рассматриваться как один из наиболее значимых военно-стратегических успехов И.В. Сталина.

Наконец, в-третьих, важнейшим направлением становилась работа в «третьем мире» – развивающихся странах. Правда, при жизни Сталина конфигурация этого процесса лишь намечалась: распад колониальной системы пошёл лавинообразным темпом в основном после его ухода. Вероятно, проникновение в Африку, Индокитай, Латинскую Америку, стань оно реальностью сразу после войны, открыло бы перед нами новые стороны личности Сталина-стратега и существенно изменило многие стороны развития военно-промышленного комплекса СССР – во всяком случае, со всей откровенностью поставило бы в ближайшую повестку дня вопрос создания океанского флота. Однако этого не произошло. И всё же есть одно направление, на котором Сталин успел более чем активно проявить себя – Ближний Восток. Безусловно, здесь в центре событий оказалось создание государства Израиль – один из наиболее удивительных процессов не только новейшего времени, но, возможно, и всей мировой истории. Редко когда столь взаимоисключающие и противоречивые тенденции оказывались соединены, а отдельные политики действовали бы столь вопреки традиции. Во всяком случае, на фоне активизирующейся антисемитской кампании в СССР откровенное лоббирование создания сионистского государства на территориях, ревностно контролируемых Британской империей, являлось одновременно и частью большой, тщательно продумываемой игры Сталина, и безусловно качественно новым шагом в его военно-политической стратегии. Сжатое и предельно ёмкое изложение перипетий этого процесса читатель найдёт в соответствующей главе капитального исследования В.Л. Вихновича [8, с. 500–527]. Ограничимся лишь согласием с тем, что в этой политике просматривается явно более сложная мотивация, чем стремление «насолить» англо-американскому миру, но скорее искреннее стремление Сталина к более справедливому устройству межгосударственных и международных отношений и явное «бескорыстие сталинской дипломатии и политики» [8, с. 518–522].

Впрочем, ещё раз подчеркнём: развивающийся мир был ещё настолько непостижимой и нелинейной системой, что строить здесь долго-

срочные планы было просто нереально. Так, явным просчётом была недооценка потенциала арабских государств и необходимости тесных контактов с ними – однако в тот момент никто не представлял нефтяного потенциала Ближнего Востока. Вряд ли можно было вполне прогнозировать ту конфигурацию арабо-израильского противостояния, которая является основной интригой не только региона, но и мировой политики уже около 70 лет. Да и в остальных частях Азии и Африки таились многочисленные неожиданности и подводные камни, начавшие выходить на поверхность в массовом порядке лишь с распадом Британской и Французской империй. Но – ни до громких побед, ни до катастрофических поражений Сталин не дожил. Блок с социалистическим Китаем и затяжная война в Корее, конец которой ему уже не суждено было увидеть, стали последними стратегическими операциями И.В. Сталина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Авиационные турбореактивные двигатели РД-45Ф и РД-45ФА. Техническое описание. – М.: Оборонгиз, 1971.
2. **Васильев А.М., Морин А.Б.** Суперлинкоры Сталина. «Советский Союз», «Кронштадт», «Сталинград». – М.: Коллекция, Яуза, ЭКСМО, 2008.
3. **Вихнович В.Л.** 2000 лет истории евреев в России. – СПб.: Академия исследования культуры, 2012.
4. **Кузнецов Н.Г.** Крутые повороты: из записок адмирала. – М.: Молодая гвардия, 1997.
5. **Медведь А.Н.** К истории создания первой отечественной ядерной бомбы // Двигатель. 2009. № 3(63), № 4(64), № 5(65), № 6 (66); 2010. № 1(67); № 2(68).
6. **Симонов Н.С.** Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996.
7. **Сталин И.В.** Сочинения. Т. 16. с. 25–30.
8. **Фельдман Е.Л.** Авиационный турбореактивный двигатель РД-3М-500. – М.: Транспорт, 1968.